

ВЕСТНИК

ОБЪЕДИНЕНИЯ РУССКИХ ЛОЖ
Д. и П. Шотландского Устава

Декабрь 1959 г.

Париж

№ 3

ОГЛАВЛЕНИЕ

На Путиях к Массонскому Универсализму Статья Бр. • . М.Корнфельда.	2
Что такое Посвящение? Слово Бр. • . П. Бобринского.	14
«Посвящение», сонет Бр. • . С.М.	19
Иоаннов день. Т. • . С. • . Совета объединения 23 июня 1959 г.	20
I. Вступительное Слово Управляющего Мастера Бр. • . Н. Каткова. II. Слово Бр. • . Г. Адамовича, за агапой.	21

Корреспонденцию надлежит адресовать по следующему адресу:

Monsieur M.Kornfeld, 125 Rue N.D. des Champs, Paris 6° - France

НА ПУТЯХ К МАСОНСКОМУ УНИВЕРСАЛИЗМУ

В . . В . . и В . . Л . .

В торжественном Собрании Конвента В.Л.Д., 18 Сентября 1959 г., по выслушании докладов Великого Мастера и Великого Канцлера, и после последовавших многочисленных выступлений депутатов, была предложена следующая резолюция:

Le Convent de la Grande Loge de France, pregnant acte du refus de Conseil de l'Order du Grand orient de France de poursuivre les negociations en vue de l'union des Obediences francaises dans la regularite, decide de suspendre la correspondance, les accords et les relations obedientes avec lui.

Последовавшее голосование дало следующие результаты:

Число голосующих	234
Число воздержавшихся	1
За принятие резолюции высказалось	171
Против	62

Принятое решение распространяется на все послушества не удовлетворяющие нормам регулярности и Федеральному Совету поручается озаботиться его исполнением.

Всем читателя нашего «Вестника» понятно чувство глубокой грусти вызванное принятым решением в среде братьев Великой Ложи Франции и в частности в среде русских братьев, связанных узами долголетней дружбы с русскими братьями работающими в ложе Великого Востока. Но далеко не всем понятно, почему это решение явилось для Великой Ложи Франции неизбежной необходимостью.

Для того, чтобы осветить для русских братьев этот сложный и исключительной важности, для будущего В.Л.Ф и, будем надеяться, будущего русского масонства вопрос, необходим довольно пространный комментарий, который и является предметом настоящей статьи.

Прежде всего следует иметь ввиду, что основой Масонства является идея универсализма. Основоположник современного Масонства, Андерсон, поставил себе целью объединить в братской цепи искренних, лояльных и честных людей, составляющих человеческую элиту, вне национальных, расовых, религиозных, политических и социальных различий, которые, до этого объединения не имели никакой возможности сближения.

Фактически, мировое масонство стало развиваться в порядке национальных послушеств. Для обеспечения его единства Андерсон опубликовал свою конституцию, которая с некоторыми вариантами была принята большинством национальных Великих Лож.

Во избежание нежелательных отклонений, Андерсон выдвинул идею «Ландмарок», т.е. незыблемых краеугольных камней, разграничивающих масонство и мир профанов.

Андерсон не успел разработать определенной системы ландмарок, но их основная идея легла в основу принципа регулярности или нерегулярности масонских лож и послушеств.

Так, например, все англо-саксонское Массонство, принявши в качестве ландмарок, полностью, всю схему андерсоновской конституции, отказалось признать целый ряд лож по причине их «нерегулярности».

В европейских ложах, после длительного периода, когда идея универсальности Массонства казалась совершенно забытой, когда зачастую трудно было отличить масонскую мастерскую от политической партийной ячейки или литературного кружка, после последней войны можно наблюдать в масонских кругах явное стремление к универсализму и восстановлению масонской регулярности.

В 1953 году, Конвент В.Л.Ф. становится членом так называемой «Люксембургской Конвенции», объединившей 5 регулярных Европейских послушеств, а именно: В.В. Голланди, В. Швейцарскую Ложу «Альпина», Л.В. Люксембурга, В.Л. Вены (для Австрии) и В. Объединенную Л. Германии.

Люксембургская Конвенция, заключенная 15 мая 1954 года, состоит из 8-ми статей, на которых первая содержит 7 ландмарок, заимствованных из конституции Андерсона, принятие коих В.Л. Англии и все англо-саксонские послушества считают необходимым и достаточным условием регулярности.

Я приведу полностью эти ландмарки:

1. Великие Ложы должны быть основаны одной из существующих Великих Лож;
2. Они должны работать во славу В.С.В.;
3. Клятва при вступлении в Орден должна приноситься на 3-х великих свечках;
4. Великие Ложы и все входящие в их состав Мастерские будут воздерживаться от всех политических и религиозных споров и деклараций;
5. Великие Ложы и их Мастерские не могут ни в какой мере зависеть от Высших Градусов;
6. Членами их могут быть только мужчины;
7. Они придерживаются древних обычаев вольных каменщиков и ревностно относятся к масонским обязанностям.

Из следующих 7-ми статей конвенции, я приведу лишь две: третью и шестую, имеющие для В.Л.В. особое, злободневное значение. Вот текст этих 2-х статей:

3. Великие Ложы принципиально разрешают своим членам посещение лишь регулярных лож и допускать в своих работах участие лишь членов таковых лож.

6. Сношения с Великими Ложами, не удовлетворяющим принципам указаны в первой статье, будут урегулированы согласно настоящей конвенции в течении пятилетнего срока.

Долголетние, тесные, дружеские и братские отношения с В.В. Франции. Который. С точки зрения мирового масонства, не удовлетворяют условиям регулярности, поставили В.Л.Ф. перед следующей дилеммой:

Согласно параграфу 6-му люксембургской Конвенции члены ее не имеют права поддерживать масонских сношений с нерегулярными ложами. Таким образом, Великой Ложе предстояло одно из двух: попытаться уговорить братьев В.В. вернуться, в свою очередь, в лоно Масонской Традиции, либо, в случае неудачи, прервать с ними сношения.

Однако же, учитывая исторически сложившиеся условия сосуществования на территории Франции 2-х послушеств: В.Л.Ф. и В.В., члены Люксембургской Конвенции согласились с предложенным нашими представителями толкованием 6-го параграфа конвенции в том смысле, что вступление в ее состав Великой Ложи Франции не влечет за собой немедленного и автоматического разрыва сношений с В.В. до истечения 5-летнего срока.

Поэтому, можно было надеяться, что братья В.В., не желая оставаться вне мировой масонской цепи, примут за это время решение возврата в лоно древней и единой посвятительной традиции, нашедшей символическое выражение в обязательности работать во славу В.С.В. и присутствие на престоле Масонского храма 3-х светочей: священной книги, циркуля и наугольника.

Принятие Великим Востоком этих основных ландмарок казалось вполне естественным, принимая во внимание тот знаменательный факт, что еще на собрании «Alliance Fraternelle des Puissances Maconniques reconnaissant la liberte absolue de conscience», состоявшемся на rue Cadet 1-го июля 1956 г., была вынесена резолюция, провозглашавшая между прочим следующее:

«... il n'y a aucune incompatibilite entre les symbols traditionnels de la Franc-Maconnerie et les principes fondamentaux proclames par l' "Alliance", pour autant que l'usage de ces symbols n'implique l'adhesion a aucune conception philosophique ou metaphysique determinee, et que leur interpretation soit laissee a la libre interpretation de chacun».

Во избежание разрыва с В.В. и во имя единения всего европейского масонства, В.Л.Ф. не пожалела никаких усилий для устранения существовавших разногласий и недоразумений между Великими Ложами вошедшими в состав люксембургской Конвенции и Великим Востоком Франции и В.В. Бельгии.

С этой целью, В.М. Dupuy организовал ряд конференций с участием квалифицированных представителей обеих групп. С другой стороны. Он предложил Великой Национальной Ложе Франции и Великому Востоку, создание единого французского масонства, путем конфедерации 3-х Великих лож, работающих на территории Франции.

Я не имею возможности воспроизвести подробно все эти переговоры и предлагаю читателям нашего «Вестника» ознакомиться с опубликованными Федеральным Советом протоколами собраний. Я остановлюсь лишь на моментах, непосредственно связанных с вопросом: почему конвент В.Л.Ф. был поставлен в необходимость принять резолюцию, которая является предметом моего комментария.

Исходная позиция В.В. определилась во время совещания 10 ноября 1956 г. на rue Puteaux, в речах Великих Мастеров В.В. Франции и В.В. Бельгии, братьев Ravel и Namaide, заявивших. Что они готовы способствовать восстановлению работ их послушеств при наличии 3-х традиционных светочей и во славу В.С.В.. установив предварительно. Что использование этих древних символов не имеет догматического характера и не наносит ущерба принципу свободных исканий и свободе мысли свойственных Массонству.

В том же собрании, В.М. В.Л. Дируу заявил, что посвященный характер Ордена Вольных Каменщиков не совместим ни с догматической интерпретацией символов, ни с ограничением свободы совести и мысли.

18-го июня 1958 г., на rue Puteaux состоялось совещание Великих Мастеров В.Л.Ф. и В.В.Ф., информационного порядка, посвященное положению Массонства в Европе, в связи с состоявшимся 15-го и 16-го Марта в Риме собранием Великих Мастеров Люксембургской Конвенции.

Во время этого совещания, В.М. Великого Востока сообщил В.М. Дируу о чрезвычайной желательности ознакомиться до осеннего Конвента В.В. с мнением Великих Мастеров Люксембургской Конвенции об основах масонской регулярности согласно уставу вышеназванной конвенции.

Идя на встречу этому пожеланию, В.М. Дируу осведомил о таком всех членов Люксембургской Конвенции. В.М. В.В. Голландии Давидсон предложил собраться в Париже 6-го сентября 1958 г. Это предложение было принято, и 6-го сентября, на rue Puteaux, состоялось совещание Великих Мастеров Конвенции. Принявшее, после обмена мнениями, следующую резолюцию долженствующую дать исчерпывающий ответ на запрос братьев В.В.:

«La Conference des Grands Maitres des Obediences Europeennes, members de la Convention de Luxembourg, decide unanimement qu'elle ne peut donner aucune interpretation ou determination de sens ou de portee des symbols te, notamment, de symbole de volume de la Loi Sacree, te de symbole de Grand Architecte de l'Univers, Chacun des Grands Maitres constate que l'interpretation te la determination de contenu des symbols releve de la conscience proper de chaque Franc-macon dans la liberte de la pensee».

На следующий день, 7-го сентября, состоялось новое совещание. На котором присутствовали представители В.В. Франции: бр. Pansard, G.M. Adjoint, - бр. Chevallier, ancient G.M. и бр. Legrand, G. Tresurier du G.O. de France.

Председательствовавший В.М. Hazan просил В.М.В.В. Голландии Давидсона ознакомить представителей В.В. Франции с принятой накануне резолюцией Великих Мастеров Люксембургской Конвенции.

В.М. Давидсон не ограничился прочтением вышеизложенной резолюции. Но. После приветственных слов, обращенных к представителям В.В. Франции, огласил блестяще обоснованный меморандум, всесторонне освещающий проблему регулярности с точки зрения европейских послушеств.

Если до 7-го сентября 1958 г. у братьев Великого Востока могли еще оставаться опасения в смысле догматического значения символов, то после меморандума В.М. Довидсона и резолюции от 6-го сентября, эти опасения, казалось бы, утратили всякую почву.

Текст меморандума был передан представителям В.В. Франции, согласно их желанию.

Превосходное настроение, царившее во время совещания 7-го сентября, создало иллюзию взаимного понимания и искреннего обоюдного желания, достигнуть благоприятного результата длительных и сложных переговоров.

Эта иллюзия, увы! длилась не долго.

Представители В.В. Бельгии отсутствовавшие, несмотря на приглашение, на сентябрьском совещании, организовали 11 октября, в Брюсселе, коллоквиум, на котором, численно, в подавляющем большинстве, доминировали противники соглашения. На этом собрании присутствовало: 9 представителей В.В. Бельгии, 3 представителя В.В. Франции, 2 представителя В.Л. Люксембурга, 2 представителя В.Л. Франции, В.М.В.В. Голландии Давидсон и В.М. Adjoint В.Л. Швейцарии «Alpina».

Я полагаю, что на брюссельском коллоквиуме явственно обнаружилась пропасть существующая между двумя концепциями масонства, которую не удалось одолеть представителям европейских послушеств, несмотря на все их усилия.

Не имея возможности передать подробно развитие всех оживленных и порою заостренных прений, я остановлюсь лишь на нескольких выступлениях, в которых кристаллизовались по-видимому непримиримые позиции двух разнородных течений.

Бывший В.М.В.В.Ф. Chevallier: - Желание обсуждать регулярность масонских послушеств препятствует соглашению. Все мы являемся регулярными послушествами. Впоследствии, мы сможем совместно обсуждать вопрос о допущении в нашу среду новых членов.

В.М. Давидсон: - Мы все обладаем регулярностью «d'origine», включая В.В. Франции и В.В. Бельгии. Однако, известные причины не позволяют Люксембургской Конвенции признавать две названные державы. Голландия будет счастлива войти с ними в сношения, если только они вернуться в лоно универсального масонства и готова послужить мостом между двумя группами. В.В. Франции и В.В. Бельгии имеют выбор между настоящим положением, т.е. оставаться вне универсального масонства и возвратом к древней традиции, ставши регулярными послушествами. Для этого необходимо соблюдение двух условий *sine qua non*: все мастерские должны работать во имя В.С.В. и при наличии трех светочей (священная книга, циркуль и наугольник) на престоле храма. Мы, голландцы, выбрали универсальное масонство. Шотландские братья, например, которые нас посещают, должны иметь уверенность в том, что в стенах нашего храма они окажутся в контакте лишь с регулярными вольными каменщиками.

Бр. Windey, член «Особой Комиссии по внешним сношениям В.В. Бельгии»: - Три светоча никогда не фигурировали в ритуалах В.В. Бельгии. После войны, троекратно были сделаны попытки восстановления символов и все три кончились неудачей.

Бывший В.М.В.В. Франции Chevallier: готов посоветовать мастерским восстановление Священной Книги на престоле, но лишен возможности обязать

мастерские принять тот или иной символ... К тому же такого рода обязательство ни в какой случае не будет принято конвентом.

Бр. Windey: - Единство национального масонства более ценно. Чем международные сношения...

В.М. h.c.V.V. Бельгии Mardens: - 95% бельгийских вольных каменщиков – атеисты. Считают ли англо-саксонское и голландское масонства совместимым возврат к традиционной символике с этим атеистическим «состоянием»? Великий Строитель Вселенной в сущности не символ, ибо трудно допустить работу во славу символа...

Бр. Windey задает вопрос: Какова истинная причина, исключаяющая возможность установления иного критерия регулярности, помимо символов?

В.М. Давидсон дает следующий ответ: В Англо-Саксонском и Скандинавском масонствах исключена возможность признания регулярности послушеств, не подчиняющихся традиционным символам. Я не питаю никакой иллюзии, что смогу убедить англо-саксонцев изменить их точку зрения.

Бр. Moriame, член Особой Комиссии внешних сношений В.В. Бельгии: - На языке профанов, и в частности философов, В.С.В. обозначает Бога. С другой стороны, для 95 % масонов всего мира В.С.В. есть Верховное Существо. Для В.Л. Англии это даже бог откровения монотеистической религии. Согласно конституции В.Л. «Альпина», вольный каменщик чтит Бога под именем В.С.В. По Конституции Vereinigte Grossloge Германии, вольный каменщик признает существование творческого духа и боготворит его в символе В.С.В. Для других послушеств речь идет о Верховном Существо, сущность коего представляется установить индивидуальному сознанию каждого масона. Но во всяком случае – ясно, что здесь имеется ввиду некая метафизическая сущность. Что касается мнения лично – отказывать преклониться перед каким бы то ни было догматизмом, мое философское сознание отвергает мнимый символ, обозначающий божество.

Бывший В.М.В.В. Бельгии Буржуа: - Масонство – явление социального порядка, имеющее смысл лишь в рамках, в которых эволюционирует данная масонская группа. Поэтому, вполне естественны различия, существующие между послушествами. Это должно нас радовать как признак жизнеспособности. Универсальность масонства не исключает случаи подобию, но мы не должны их искать в бессмысленных формулах вроде В.С.В.

В.М. Дируу говорил последним. Его краткое слово с большой ясностью определяет создавшее положение.

- Присутствие на этом собрании многочисленных Великих Мастеров послушеств, практикующих в полном объеме традиционный символизм, служит наилучшим доказательством того интереса и симпатии с которыми мы следим за усилиями В.В. Франции и В.В.Бельгии в целях осуществления универсальности масонства.

Я надеюсь, что ни у кого из присутствующих не было мысли, что целью этого собрания было принудить ваши послушества к возврату к традиционной символике, либо убедить наши послушества отказаться от таковой.

Решение В.В. Франции и В.В. Бельгии должно быть принято в порядке суверенности и полной самостоятельности. Мы можем лишь надеяться, что ваше верховное управление примет решение, которое будет направлено в сторону единения и универсализма.

Единственное, о чем мы вас просим, состоит в том, чтобы в момент, когда на ваших конвентах будет обсуждаться этот вопрос, не приписывать нам в отношении символов взгляды, которые не соответствуют истине. Было бы в равной мере неправильно настаивать на том, что мы вкладываем в символы догматическое содержание, как утверждать, что они для нас лишены всякого смысла. Наша настоящая позиция такова: предмет работы наших мастерских обусловлен стремлением каждого брата к познанию, т.е. в посвящении. Метод, которым традиционно пользуется Орден, носит название «Символизма». И так как со дня основания спекулятивного масонства, и даже еще в период оперативных мастерских, работа производилась во славу В.С.В. и при трех великих Светочах на престоле храма, мы полагаем, что унаследованный нами символический капитал составляет единое целое и что мы, в свою очередь, обязаны передать его в целостности, нашим новопосвященным братьям без сокращений и без прибавлений. Мы считаем ошибочным ущемлять его путем ампутации одного или нескольких символов. Но было бы еще более грубой ошибкой, приписывать тому или иному символу то или иное определенное толкование для того, чтобы под предлогом этого толкования, его отбросить.

Утверждать обратное, а именно, что предоставляя каждому посвященному возможность толковать данный символ согласно своей индивидуальной структуре и индивидуальным устремлениям, мы лишаем его всякого смысла, что свидетельствует о полном непонимании самой сущности посвящения и символического метода работы.

В своем заключительном слове, председательствовавший В.М. В.В. Бельгии Remouchamos, обратив внимание всех присутствовавших на исключительный характер собрания, вынужден подвести следующий печальный итог трехчасовых прений: - Мы оказались неспособны прийти к соглашению и у нас остается тягостное чувство бессилия, в отношении наших масонских обязательств и нашего человеческого долга, в исторический момент преобразования Европы, когда нам следовало бы произвести исключительное усилие для того, чтобы объединиться. Мы не сумели найти почвы для соглашения на базисе элементарной честности, искренности и терпимости. Ознакомившись, во время этого собрания, с высказанными противоречивыми мнениями, я предлагаю каждому из присутствующих. Обдумать эту важную проблему и, памятуя, что мир не может быть перестроен в один день, приложить все старания для конечного достижения желаемого результата.

Невзирая на грустные результаты брюссельского коллоквиума, руководители В.Л.Ф. сочли своим долгом не оставлять начатого дела объединения в лоне универсального масонства трех послушеств (В.В. Франции, Великой Национальной Ложи Франции и В.Л. Франции), существующих на территории Франции.

Конкретно, дело сводилось к принятию В.В. Францией ландмарок Люксембургской Конвенции.

Такое решение со стороны В.В. казалось вполне возможным, учитывая следующие факты:

1. Резолюцию «Alliance Fraternelle de Puissances Maconniques» reconnaissant la liberte absolue de conscience» - от 1-го июля 1956 г., о которой я уже упоминал.

2. Когда 18 сентября 1958 г., на Конвенте В.Л.Ф., делегаты В.В. были запрошены о желательности объединения трех французских послушеств, они единогласно высказались в смысле желательности такового объединения.

3. Во время одного из совместных совещаний, состоявшихся после декларации В.М. Давидсона, делегаты В.В. высказали пожелание, получить уверенность в том, что Великие Ложи Англии и Америки одобряют люксембургскую декларацию. Отсюда явствовало с очевидностью, то В.В. имел ввиду объединение французских послушеств не иначе, как в рамках традиционной регулярности.

4. Наконец, следует отметить, что в течение брюссельского коллоквиума, представители В.В. Франции были весьма малоречивы и их отношение к довольно резким выступлениям бельгийских братьев можно было понимать по разному.

Переходя от слов к делу, Федеральный Совет В.Л.Ф. в собрании 20 декабря 1958 г. постановил:

1. Предложить В.В. и В. Национальной Ложе Франции проект хартии «des Grandes Loges Unies de France», имеющей целью объединение трех французских послушеств на конфедеративных началах.

2. Обсудить совместно с правящими органами В.В.Ф. и В.Н.Л.Ф. этот проект с тем, чтобы выработанный совместно окончательный текст был разослан всем мастерским каждого послушества.

Проект хартии выработанный Федеральным Советом был заслушан 20-го декабря в пленарном собрании Великой Ложи и был единогласно принят, после чего он был препровожден В.В. и В.Н.Л.Ф.

В.Н.Л. сообщила немедля свое принципиальное согласие. Что же касается В.В., он потребовал известного срока для размышления и дополнительных уточнений.

В течение первых трех месяцев 1959 г. состоялся ряд совещаний представителей трех послушеств, с целью предвосхитить те недоразумения, которые могли бы впоследствии возникнуть.

Тем временем, были получены ответы от иностранных держав, запрошенных по желанию Великих офицеров В.В. Проектируемое объединение было встречено за границей с предельной благожелательностью. Таким образом, можно было надеяться на благоприятных исход переговоров, протекавших в самой дружеской и братской атмосфере.

Следует все же заметить, что В.В. медлил с формальным одобрением проекта Хартии объединенных лож, полученного им еще в декабре 58-го года.

Это промедление получило объяснение лишь в апреле, когда, случайно, стал известен циркуляр Совета Ордена от 6-го марта 1959 года, адресованный всем мастерским В.В., в котором Совет ордена, ссылаясь на постановление Совета, принятое на собрании 11-го января (в котором был рассмотрен проект хартии) категорически отвергает как самый проект, так и принципиальное «подчинение какому бы то ни было символу, который имеет или может казаться имеющим догматический характер»)(дословный перевод), другими словами ландмарки, принятые всем мировым масонством.

Нельзя не отметить того факта, что на собрании трех послушеств, состоявшемся 18-го марта, т.е. неделю спустя после опубликования этого циркуляра, представители В.В. не обмолвились ни единым словом о формальном решении Совета Ордена.

Создавшееся положение показалось руководителям Великой Ложи настолько невероятным, что В.М. Дурюу обратился к В.М.В.В. Ришару с письмом, в котором он, прилагая копию с имеющегося в его распоряжении циркуляра, просит либо подтвердить его подлинность. Либо опровергнуть таковую до 21-го апреля, дня очередного собрания представителей трех послушеств.

(Эта дата была фиксирована, принимая во внимание заявление представителей В.В., согласно которому пленарное Собрание Совета Ордена В.В., посвященное рассмотрению проекта хартии объединения трех послушеств, должно было состояться 19-го апреля).

Письмо это осталось без ответа, но на совещании 21-го апреля, предсавители В.В., ссылаясь на постановление пленарного Собрания Совета Ордена от 19-го апреля, определенно заявили:

1. Что они не видят возможности внесения каких бы то ни было изменений в ныне существующий порядок вещей, а именно возвращение к работе во имя В.С.В. и наличия трех светочей на престоле храма.

2. Что для них является неприемлемой статья 4-ая Хартии, трактующая о конфедеративной структуре «объединения Великих Лож Франции».

Этот пункт требует пояснения. По мысли руководителей В.Л.Ф. и В.Н.Л., разработавших проект, подобно всякой конфедерации, каждая из трех Великих Лож сохраняла полную автономию и выделяла из своей среды равное число депутатов образующих Верховный Орган объединения, управляющий делами конфедерации. По мнению В.В., число депутатов от каждого из трех послушеств, составляющих Верховный Орган («Великий Совет»), должно было быть пропорционально общему числу членов данного послушества.

Согласно проекту хартии, необходимые средства для организации и содержания секретариата, канцелярии и текущих расходов должны были пополняться путем котизации трех Великих Лож составляющих конфедерацию, пропорционально их численному составу, из расчета по 100 франков с каждого члена ложи.

9-го мая В.М. Дурюу было получено официальное письма В.М. (Adjoint) В.В. Louis Pansard's, в котором было подробно изложено постановление Совета Ордена В.В., и которое заканчивалось выражением готовности участвовать в переработке

проекта хартии Объединения Великих Лож Франции, в духе вышеизложенной позиции, занятой Великим Востоком.

Предлагая эти условия, зная заранее их неприемлемость для В.Л. и В.Н.Л., Великий Восток, по существу определенно отказывался от проектированного объединения в рамках масонской регулярности и сохранения автономии каждого послушества. Приняв условия В.В., все французское масонство оказалось бы под его гегемонией и было бы автоматически и незамедлительно исключено из цепи универсального масонства.

В.М. Richard Dupuy считал необходимым, исходя из неподлежащих спору основ масонской традиции, в пространном письме от 12-го мая 1959 г., адресованном В.М.В.В. Ришару, с исчерпывающей полнотой и ясностью опровергнуть аргументацию бр. Пансара.

После этого письма переговоры все же продолжались. 15-го июня должно было состояться совещание трех послушеств под председательством В.М. В.В. Ришара.

Это совещание было последним. В.М. Ришар открыл его сообщением, что Совет ордена Великого Востока, имевший место накануне, т.е. 14-го июня, отказался рассматривать аргументы Великой Ложы, изложенные в письме В.М. Дуруу и объявил переговоры прерванными, после чего поспешил закрыть собрание и удалился, уклонившись от каких бы то ни было объяснений.

Я попытался, в самой сжатой форме, изложить наиболее существенные моменты переговоров, но вся переписка и протоколы собраний и совещаний были своевременно разсланы Федеральным Советом всем мастерским нашего послушества.

Из всего вышеизложенного явственно вытекает, что Конвент 1959-го года Великой Ложы Франции не мог, ознакомившись со всеми опубликованными документами, принять иное решение нежели то. Которое им было принято.

Я не стану останавливаться на совершенно непонятной линии поведения представителей В.В. Франции, на том странном упорстве, с которым они пытались настоять на «догматическом характере» символов вообще, и, в частности В.С.В., священной книги, циркуля и наугольника на престоле храма, наконец на том очевидном равнодушии, с которым они отнеслись к важнейшей проблеме данного момента – реализации мировой масонской цепи и возможности возврата в лоно универсального масонства.

В позиции занятой Великим Востоком отчетливо обозначилось существование во Франции двух различных концепций масонства. Это разветвление стало намечаться еще с конца 18-го века, но оно кристаллизовалось лишь в 1877 году, когда Конвент В.В. отменил формулу В.С.В.

В грубом упрощении, можно сказать, что В.В. и В.Л.Ф. стали теми полюсами, вокруг которых начали развиваться две разнородные тенденции. С другой стороны. Следует заметить, что это расхождение, в силу исторических условий, не бросалось в глаза в течение нескольких десятилетий, т.к. в политическом плане и В.В. и В.Л., в равной мере, служили во всей стране притягательными центрами либерализма и свободы мысли, а крайне враждебная

позиция, занятая по отношению к масонству католической церковью, сблизила оба послушества в процессе общей борьбы с клирикализмом.

С течением времени условия изменились. Борьба с церковью вообще и особенно с появлением нового гораздо более страшного врага всяческой свободы – тоталитаризма, утратила былую остроту и, в новой обстановке, основные, более глубокие, принципиальные противоречия идейного порядка, временно заглушенные звоном мечей, естественно всплыли на поверхность.

В чем же состоит, по существу, различие между двумя концепциями масонства – Великого Востока и Великой Ложи Франции?

Во время брюссельского коллоквиума, о котором я упомянул, бывший В.М.В.В. Бельгии, бр. Буржуа сказал: - Масонство есть явление социального порядка. В.В. отрещивается от всякой метафизики (см. речь бр. Мариамэ).

Согласно конституции В.В., «La Franc-Maçonnerie a pour objet la recherche de la verite, l'étude de la morale universelle, des sciences et des arts et l'exercice de la bienfaisance. Elle a pour principe la liberte absolue de la conscience et la solidarite humaine; elle n'exclue personne par ses croyances. Elle a pour devise: "Liberte, Egalite, Fraternite"».

В этой концепции, цели масонства, по существу, мало чем отличаются от целей множества существующих научных, литературно-философских. Филантропических обществ и политических кружков. Безграничная терпимость и свобода совести исключают идею ландмарок, имеющих целью отгородить масонство от профанского мира. Вся обрядовая сторона. Распорядок собраний, ритуал – теряют всякий смысл, т.к. не имеют символического значения.

Требования, которые В.В. предъявляет к своим членам ничем не отличаются от требований, предъявляемых к профану ищущему посвящения: «... ибо он свободен и добрых нравов»..., или к члену хорошего клуба.

Вторая концепция масонства, которая лежит в основе всего регулярного масонства и, в частности В.Л.Ф., представляет совсем иную картину.

Масонство, согласно этой концепции, тоже ставит себе целью искание истины. Но вольный каменщик знает, что истина, которую он ищет, не является предметом школьной науки. Истории искусства или догматического учения церкви.

Вольный каменщик надеется найти в масонстве новый подход к вещам, новый путь, освещенный посвященными традицией, который бы ему помог развить в себе ту частицу высшего духовного начала, которая заложена в человеке, но не доходит до его сознания, пребывая в области подсознания или, вернее, над или сверхсознания.

(Я обращаю внимание читателей на замечательную статью дост. Бр. П. Бобринского. Напечатанную в этом же номере нашего «Вестника», в которой он подробно останавливается на вопросе о сущности посвящения).

Я скажу лишь, что Шотландский Устав, определяющий ориентацию В.Л.Ф., провозглашает примат духовного начала. Вольный каменщик надеется обрести в наших храмах новое зрение и «иные возможности нежели те, которыми

ограничивается жизнь среднего человека», как говорит генон, которого цитирует бр. Бобринский.

В символах В.С.В. и священной книги на престоле храма намечается демаркационная линия разграничивающая масонство от мира профанов и являющаяся одновременно границей масонской терпимости. В этих символах утверждается примат духовного начала, без чего масонство теряет свое истинное лицо. Надо полагать, что Андерсон именно это имел ввиду, заметив что «глупый атеист», т.е. человек отрицающий духовное начало, не может быть масоном.

В мастерских В.Л. не редко обсуждаются проблемы, продиктованные окружающей нас материальной жизнью. Но в трактовке этих вопросов братья стараются применить новый подход. Пользуясь приемами «королевского искусства».

Шотландский Устав, органически связанный с проблемой посвящения, естественно пользуется символическим методом, т.к. вся его проблематика касается области не поддающейся логическому анализу.

Символ является, так сказать, экотерриоризацией некоей объективной сверхчувственной реальности, недоступной дискурсивной мысли. Вольному каменщику предоставлена неограниченная свобода его истолкования, в меру его духовного роста.

Символ может стать догматом лишь тогда. Когда одно из его толкований навязано извне, как непреложная и обязательная истина. Строго говоря, символ как таковой никак не может иметь догматического характера (это – *contradictio in adjecto*), но лишь его толкование, поскольку оно становится обязательным и непреложным.

Упорно приписывая «догматический характер» символам принятым регулярным масонством (В.С.В. и Священная Книга), В.В. обнаружил известный комплекс, обусловленный былой борьбой с католическим клерикализмом и принявший форму панического страха перед страшным призраком, угрожающим свободе мысли и совести вольного каменщика.

Нельзя, разумеется, утверждать, что все братья В.В. стали жертвой этого психологического заблуждения, помешавшего объединению всего французского масонства, тем более, что вопрос о разрыве переговоров не был поставлен на обсуждение всех мастерских. Входящих в состав послушества.

Значительное число братьев В.В., я уверен, понимающие масонство также как и мы, не отнеслись бы со столь непонятным равнодушием к возможности включиться в мировую цепь регулярного масонства, при условии возврата к традиционным символам, которые фигурировали в Конституции В.В. до 1837 года.

Будем надеяться, что идея объединения всего французского масонства не замрет и что в более или менее близком будущем она получит благоприятное разрешение.

Бр. • . М. Корнфельд.-

ЧТО ТАКОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ?

Слово Бр. • . Оратора Д. • .Л. • . «Гамаюн»

П. Бобринского

19 октября 1959 г.

I.

Мы часто и много говорим у нас о «посвящении», в разных наклонениях и формах, спрягаем глагол «посвящать» или употребляем эпитет «посвятительный», прилагая его к самым различным понятиям. Так мы говорим о «посвятительной традиции», о «посвятительном пути», или «посвятительных моментах» наших церемоний, говорим о масонстве, как о «посвятительном» обществе или ордене.

Нам казалось, что было бы полезно нам всем отдать себе более ясный отчет в том, что, в сущности, мы подразумеваем под этими словами. Это поможет нам лучше понять, что такое масонство и избежать многих недоумений, которые часто возникают, особенно у молодых братьев.

Словом «посвящение» мы обычно переводим английский термин «initiation», употреблявшийся еще до Андерсона в английском оперативном масонстве, или французское «initiation», которое мы находим во всех латинских масонствах.

Напомним прежде всего, что термин это («инициация») происходит от латинского слова «initium» и, в сущности, означает «начало» или точнее – «вход», «начало пути» - от приставки «in» и глагола «ive» - идти.

Посмотрим прежде всего, какие значения имеют эти слова – «инициация» и «посвящение» на французском и русском языках. Обратимся прежде всего к, считающемуся наиболее авторитетным, французскому словарю Литтрэ.

Согласно Литтрэ, слово «инициация» имеет два главных значения. Во-первых, у древних народов: акт введения в министерии и связанная с этим церемония. Например «Посвящение в Элевзинские Мистерии». В некоторых «сектах», добавляет Литтрэ, инициация сопровождалась требованием «начала новой жизни» («initium vitae novae»). Второе значение – это вступление или «первое введение в познание вещей тайных или возвышенных» (например: посвящение в священническое состояние). Инициация может употребляться и в других смыслах, например, в переносном смысле вступления в некоторые общества, обучения какому-либо делу, наукам, искусствам, ремеслу, или посвящения в тайны искусства.

Перейдем теперь к русскому толковому словарю Даля, который различает три главных значения для слова «посвящение». Во-первых, по Далю, посвящение означает рукоположение, помазывание, постриг, поставление, например «приобщение к духовному сану или чину с исполнением известных таинств и обрядов». второе значение, это предназначение кого-то или чего-то определенной цели (например: «памятник этот посвящен Минину и Пожарскому», «он посвятил себя наукам, искусствам», «посвящаю сыновей своим службам царской»). Наконец, слово «посвящение» может употребляться в смысле «посвящения кого-нибудь в тайны, в знание, в умение, в искусства». Например: «объявить или открыть кому-нибудь тайну, принять в соучастники, в общество, в братство, научить чему-нибудь, наставить».

Как видно из приведенных примеров и определений, оба понятия – инициация и посвящение – очень близки одно к другому по смыслу. Но полностью их содержание не совпадает. Так, например, французское слово «инициация» никак не означает «предназначение». С другой стороны, слово «посвящение» в его обще-употребительных значениях, отнюдь не может употребляться в смысле «начала», «вступления на путь», согласно его этимологии. Ни даже «начального введения» по Литтрэ. Нам казалось необходимым это отметить и иметь в виду. Так как одна из обычных интерпретаций смысла посвящения в масонстве связана с представлением о «посвятительном пути», на который становится вступающий в братство.

II.

Обратимся теперь к другим источникам и посмотрим, как надо понимать посвящение с точки зрения самих посвятительных учений. Чтобы не слишком разбрасываться и сосредоточить наше внимание на главном, ограничимся одним свидетельством, а именно такого. На наш взгляд. Авторитетного в этой области автора. Как Ренэ Генон. Толкование Генона представляет для нас интерес и потому, что он сам сопричастен масонству и посвятил интересующей нас теме две книги¹.

Попытаемся передать вкратце сущность этого толкования, из которого мы сразу увидим отмеченную нами связь между понятием посвящения и идеей посвятительного пути.

«Слишком часто забывают, пишет Генон в одной из этих книг, что слово «инициация» происходит от латинского «initium» и в сущности (мы это уже видели) означает вход или начало: вступление на путь, который еще надлежит пройти, или начало новой жизни в течение которой должны быть развиты иные возможности, чем те, которыми ограничивается жизнь среднего человека».

Что же это за путь, который еще надлежит пройти, или новая жизнь, во время которой должны получить развитие какие-то особые возможности?

В своих двух книгах Генон много говорит о символе пути. Как о символе свойственном большинству религий и посвятительных доктрин. Достаточно напомнить о традиционном учении Индии о пути освобождения, учение Лао-Це о «Тао», или хотя бы слова Евангелия «Аз есмь Путь». Особые возможности, о которых говорит Генон, это возможность достижения на этом пути «высших состояний», вплоть до состояния совершенства, и даже до выхода из человеческого состояния. Путь посвящения в этом отношении. Это путь ведущий в итоге к «конечному торжеству», согласно определению суфизма (посвятительная доктрина Ислама), т.е. к отождествлению с Высшим Началом.

Другое толкование, на котором останавливается Генон, это понимание посвящения, как приобщения к «посвятительной Цепи», т.е. к цепи, по которой передается некое «духовное влияние» (употребляем точное выражение Генона), или, что в сущности одно и то же, «передача» этого влияния. Согласно этой интерпретации Генона, «влияние» должно быть не человеческого происхождения, т.е. истоки его должны лежать в бытии высшего порядка. С другой стороны цепь, по которой это влияние передается, должна быть непрерывной. Если этих обоих

¹ «Appercu sur l'initiation» et «Initiation et Realisation Spirituelle»

условий нет на лицо, нет настоящего посвящения. В какой-то степени, как мы видим, и с должными оговорками, можно провести параллель между посвящением в такой интерпретации и передачей апостольского рукоположения при совершении христианского таинства священства.

Для большей ясности нужно отметить, что Генон проводит определенную грань между тем, что он называет посвящением «виртуальным», и посвящением действительным. Посвящение «виртуальное» это самый акт вступления на путь или включения в посвятельную цепь, а посвящение действительное – осуществление в себе воспринятого влияния («духовная реализация»); надо, однако, иметь ввиду, что в наше время отрыва от Первоначала и угашения духа, влияние передается лишь как бы в семени, в зачатке. Генон иллюстрирует это символикой зерна, которое в потенции содержит в себе будущее растение и, упав на благоприятную почву, должно дать, по евангельскому выражению, «плод мног».

Отметим еще, что в смысле ритуального акта или обряда. Посвящение, в интерпретации Генона, есть всегда только посвящение в потенции, виртуальное. Это только вступление на путь, передача «влияния» в зачаточной форме. Но вне ритуальных форм не может быть передачи (кроме исключительных случаев личной передачи учителем ученику), ибо только ритуал или символы его образующие могут служить своего рода «подставками» («supports») доступными нашим восприятиям и разумению, для той формально неопределимой сущности. Каковой является передаваемое влияние.

Резюмируя это толкование. Мы бы сказали. Что посвятельная цепь. По которой может быть передано влияние, есть в сущности непрерывная преемственность ритуальных форм и актов, связывающая включенного в эту цепь с посвятельной организацией еще не порвавшей связи с бытием высшего порядка.

III.

Попытаемся теперь освоить главный для нас вопрос – как следует понимать посвящение в смысле масонском? Ответов, разумеется, может быть несколько, как разнообразны формы масонского общения. Возможны и разные точки зрения, в согласии с одной стороны со смыслом слов «посвящение» и «инициация», а с другой – с нашими ритуалами и той интерпретацией посвящения, которую мы нашли в специальной литературе. Отметим еще раз, что, если мы ограничились мнением одного Генона, то лишь потому, что тема посвящений в «традиционных» учениях изложена им наиболее полно и подробно.

Масонское посвящение может рассматриваться прежде всего в согласии с общепринятым смыслом слова, как посвящение в тайне, или правильнее в познание тайны, в данном случае тайны искусства или знания. Такое толкование, нам кажется. Не может вызвать возражений. Оно вполне ортодоксально, тем более, что подчеркивает эзотерический характер масонства, как тайного общества.

Но какие это тайны и в чем они заключаются?

Некоторое указание мы находим, как будто, в присяге, приносимой при посвящении. Сообщаемые вступающему в братство «тайны», в сущности, сводятся к священному слову, к прикосновению и знакам, не говоря о формулах масонского

катохизиса, позволяющим распознать масона. Тайной является и сама принадлежность брата к ордену. Но если все ограничивается этими тайнами, то и посвящение в этом понимании сводится, в конце концов, только к раскрытию этих «секретов». И само слово «посвящение» теряет всякое содержание по существу.

Масонская тайна, это «mysterium» (от греческого глагола «закрываю глаза»), а не секрет. Тайной является не столько знание слов, знаков или символов, позволяющих нам распознать «посвященного», как необходимо знание пропускного слова, чтобы проникнуть в место запретное, сколько то – и это главное – что лежит за этими словами и знаками, то, что зашифровано, будучи обычно трудно определимым и выразимым словами. Смысл эзотерики искать надо именно в том, что существуют истины или вещи священные, не всем доступные, которые легко могут быть ложно истолкованы¹ и профанированы.

Недоступность или правильное «не-сообщаемость» всякому того, что составляет сущность тайны, есть основа эзотерики. И ежели масонское посвящение может толковаться как «посвящение в тайну», то надо помнить, что тайна должна пониматься, как самая сущность масонства или самого посвящения, выраженная иносказательно, например в аллегориях, знаках или символах. Это прежде всего «посвящение в знание», посвящение в познание того, что зашифровано и составляет самую сущность тайны.

Другое толкование, на котором необходимо остановиться, это интерпретация масонского посвящения, как «начала пути» или «вступления на путь». Образ пути не только традиционный символ, о чем мы уже упомянули, мы часто им пользуемся и в повседневной жизни (например, в сочетании со словом «жизнь»: «жизненный путь»). Мы уже видели, что это толкование всецело соответствует и этимологии термина инициация. Естественно также, что, когда мы говорим о пути, который открывается перед нововступившим в масонство, мы обыкновенно имеем ввиду путь личного совершенствования. С эти не приходится спорить, такое толкование соответствует всей символике масонского посвящения.

В наше время, однако, преобладания в масонстве моральных и социальных устремлений, путь совершенствования понимается часто, как путь совершенствования нравственного. Можно ли удовлетвориться таким ограничительным толкованием и видеть в масонской символике, в частности в символике грубого и обтесанного камня, одно только моральное содержание, как это склонны делать многие? – иначе говоря, сводить весь смысл и цель масонства к морали и нравственному совершенствованию?

Очевидно нет. В этом легко убедиться, внимательно относясь к нашим ритуалам. Посвящение относится к человеку в его совокупности. Как к некоему целостному бытию, к его духовной сущности в такой же степени, как к волевым импульсам, разумению или морали. Путь масонского посвящения, как он следует из наших обрядов и символики, есть путь активной борьбы с низшими формами нашей душевной жизни, ради конечной победы над «ветхим человеком». Это путь развития всех свойственных человеку способностей в целом, и в этом отношении самый акт посвящения всецело соответствует и символике нового или «второго»

¹ Характерным примером такого ложного истолкования может служить обычное рассуждение противников масонства, что оно скрывает нечто противное морали или существующим гражданским установлениям, ибо «хорошее не стоило бы скрывать».

рождения, и «началу новой жизни» древних мистерий. Только в таком понимании «пути» обретают полноту смысла и символические странствия при посвящении. И символ Великого Обета, и символика обработки камня.

Третья, наконец, возможная интерпретация посвящения, как мы видели у Генона, это интерпретация акта посвящения, как включения в посвятельную цепь. «La Chaîne d'Union», или братская цепь, как мы знаем, представляет собою один из важных элементов обрядовой стороны масонства. Цепь эта символизирует не только связь братьев между собою, но и связь их с предшествующими поколениями вольных каменщиков.

Впечатление, часто глубокое, производимое посвящением неоспоримо, и дает нам несомненное право говорить о его влиянии на душевное состояние вступающего в масонство. Но можно ли говорить о передаче по этой цепи влияния духовного. Особенно в том смысле, как это понимает Генон, т.е. о передаче влияния «нечеловеческого» происхождения?

Мы видели, что согласно этой интерпретации посвятельных доктрин, такая передача в нашу эпоху угашения духовности, возможна лишь в случае наличия непрерывной цепи, нас связующей с посвятельными организациями, еще не утратившими связи с бытием высшего порядка.

В масонстве это условие, как будто, на лицо. Происхождение современного масонства от английских строительных цехов средневековья – исторический факт, и преемственность его от этих цехов может считаться доказанной. Вероятной представляется и другая линия преемственности, связывающей шотландский Устав с французским компаньоном и монашеско-рыцарскими орденами. С другой стороны, то что мы знаем о средневековье, эпохе постройки готических соборов, рыцарства, алхимии и религиозного горения, позволяет нам не сомневаться в духовной связи тогдашних ремесленных корпораций или рыцарских орденов с Высшим началом или с высшим бытием, хотя бы через молитвенное общение.

Но ежели это так, если наличие непрерывной преемственности между современным масонством и организациями этой далекой для нас эпохи, когда связь с бытием высшего порядка еще не была утрачена. Может считаться установленной, то достаточно ли этого, чтобы объяснить возможность передачи духовного влияния?

Для этого надо отказаться от представления о символе, как о чем то условном, во что можно вкладывать любое содержание по нашему усмотрению. В масонских кругах такое представление очень распространено¹, в то время, как даже в позитивной науке, где символический метод обретает все большее значение, символ всегда означает нечто вполне определенное. Иначе говоря, надо прежде всего признать, что масонскому символу, как символу научному, соответствует вполне определенное содержание, более того – объективная реальность, независимая от нашего субъективного понимания.

На вопрос, можно ли рассматривать масонское посвящение как «передачу духовного влияния», влияния «нечеловеческого» происхождения, по определению

¹ Так, например. Считается вполне естественным, что одни под символом В.С.В. подразумевают Бога, другие Первопричину или Высшее Начало, наконец третьи, зараженные сиепифизмом – Мировую Энергию!

Господа, трудно дать ответ, который бы всех удовлетворил или хотя бы тех, кто ждет в масонстве нечто большее чем только братство, сообщество просвещенных людей или «упражнение в добродетелях». Оставим вопрос открытым. Но нам казалось нужным его поставить. Чтобы каждый мог отдать себе ясный отчет в том, что он понимает под посвящением.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Сонет

Вот взяли бережно за рамена
И в храм ввели пригнув профану выю...
И слушаю незримого витию,
Клянусь молчать и чашу пью до дна.

Три раза странствую. И тьма грозна,
И огненную прохожу стихию.
И вдруг прозрел и вижу литургию:
Ступени, пламя, труп, и тишина...

«Да будет свет великий!» И повязка
Спадает с глаз опять. Что это? Сказка?
В передниках и лентах предо мной –

Таинственные рыцари и маги,
И храм в огнях. И радугой стальной
Шотландския поблескивают шпаги.

Бр. • . С.М.

Париж, 10 марта 1927 г.

ИОАННОВ ДЕНЬ

Торжественное Собрание Совета Объединения

23-го июня 1959 г.

I.

Вступительное Слово Управляющего Мастера

Бр. • . Н.М. Каткова.

Я счастлив приветствовать Вас сегодня, высокочтимые Мастера и Д.Д. Братья, в день традиционного праздника Вольных Каменщиков, который имеет двойное символическое значение; и масонство не даром избрало день Ивана Купалы своим традиционным торжеством.

24-е Июня – день рождения Иоанна Крестителя, предтечи новой эры в истории человечества. В то же время – это день летнего солнцестояния, когда солнечный диск, источник жизни и света, достигает кульминационной точки своего пути.

Таким образом, в этот знаменательный день в масонском представлении, совпадают два момента: человеческий и космический.

Д.М. Борис Николаевич Ермолов. В своем слове, разовьет более подробно значение нашего праздника и место, которое в нем занимает святой патрон ордена В.Х. Иоанн Креститель.

Но. Дорогие братья, вы знаете что русское масонство в Париже, в его целом, преследует две цели:

С одной стороны, его работа протекает в плане традиционно-посвятительном; но в тоже время, мы считаем нашим священным долгом. В меру наших сил, быть хранителями русской культуры.

А потому, в Иоаннов день, наше Объединение стремится воскресить в нашей памяти творения одного из величайших представителей русской творческой мысли.

В этом году исполнилось 150 лет со дня рождения Николая Васильевича Гоголя и я просил нашего дорогого Бр. Алексея Георгиевича Зусмана, Оратора Совета Объединения, прочесть нам доклад о Гоголе.

Не предвосхищая самого доклада, я хотел бы только указать Вам на одно обстоятельство, которое нас, как эмигрантов, в какой-то мере родним с гоголем. Я имею ввиду его многолетнее пребывание за границей, в частности в Италии, где им были, между прочим, написаны самые замечательные страницы «Мертвых душ».

Его духовная связь с Россией не только не ослабила, но, быть может, еще окрепла на чужбине. Его художественный глаз, на расстоянии, приобрел, казалось, особенную остроту – сугубую зоркость.

Я считаю это явление весьма показательным. Оно с наглядностью доказывает, что в области духа никаких материальных преград, ни расстояний, не существует.

II.

Слово Бр. • .г.В. адамовича

(за Агапой)

Было бы нелепо спорить против того. Что Гоголь – один из величайших русских писателей. Это признано всеми. Это не подлежит ни малейшему сомнению.

Лично я сказал бы даже больше: Гоголь – пожалуй самый гениальный наш писатель, тот, у которого изобразительный и чисто словесный дар достигает наибольшей силы. Константин Аксаков называл его «нашим Гомером», Мережковский высказал предположение, правда, более чем фантастическое, - что сам черт водил пером Гоголя, когда тот принимался писать. Если условиться. Что в этом замечании дана только оценка гоголевского таланта, преувеличения в нем нет. Талант действительно необыкновенный, несравненный, и достаточно вспомнить хотя бы первые страницы «Мертвых Душ», с удивительным в своем нарочитом, монументально величавом идиотизме, разговором о колесе, которое до Москвы может быть и доедет, но до Казани, нет, до Казани не доедет! – и Маниловым, и Собакевичем, и Плюшкиным, чтобы это сразу почувствовать. А беседа двух дам, просто приятной и приятной во всех отношениях, а Хлестаков, а женихи. Ожидающие выхода Агафьи Тихоновны... нет, о чем тут говорить: гений, гений, отрицать это можно только по слепоте или ради оригинальничания!

Но...

Это «но» чрезвычайно существенно, и в двух словах не легко его объяснить.

Не все ведь дело в размерах таланта, имеет значение и то, чем талант одушевлен, к чему обращен, каким духовным содержанием наполнен. Именно скудость духовного содержания, крайняя его необычность, мешает гоголю занять в нашей литературе то место. Которое по великой своей одаренности занять он был бы вправе. Не говоря уж о Пушкине, в подлинном воздействии на умы и души ему далеко до толстого или Достоевского. На первый взгляд это кажется парадоксальным, но только не первый взгляд: если вдуматься, основание возникает само собой.

Гоголь – писатель холодный, по-видимому никогда никого не любивший, и если от этого и страдавший, то оставшийся таким до конца, до «Переписки с друзьями», в которой он советует помещикам читать крестьянам Евангелие, но самое крепостное право находит нормальным и законным. Совершенно правильно заметил Достоевский в «Бедных людях», что даже над несчастным своим Акакием Акакиевичем Гоголь в сущности издевается, и не случайно он противопоставил ему Пушкина, который в «Станционном Смотрителе» отнесся к такому же беспомощному старику много человечнее.

Гоголь – явление причудливое, одинокое, и если изумление наше он возбуждает, то главным образом именно изумление, едва ли что-нибудь другое,

глубже нас затрагивающее. «Какое умное, и странное и большое существо!», сказал себе Тургенев, глядя на него незадолго до его смерти, и приблизительно такое же впечатление производят сто лет спустя и книги его.

Толстой, Пушкин, Достоевский писали не только для всех, но как будто и за всех своих современников и даже потомков. Они выразили то, что бесчисленным русским людям хотелось сказать, может быть не в мыслях, но зато в созданных ими образах. Толстой, Пушкин, Достоевский властно вторглись в наше существование, они участвуют в нем, стали нашими «вечными спутниками», часто даже друзьями, помощниками, советниками, учителями. Помнится, Алданов сказал о Толстом – «вечное утешение». Кто скажет это о Гоголе? «Вечное развлечение», «вечное восхищение» - бесспорно. Но не «утешение». У Гоголя нечему учиться, и со своими недобрый серно-кислотным юмором он никому ни в чем помочь не может.

Конечно, он был мучеником, и если что-нибудь нам и передал, то лишь это свое мучительное ощущение бесплодия, выхолощенной и внутренне опустошенной гениальности. Говоря «нам», я имею ввиду, впрочем, лишь обыкновенных читателей, ни в коем случае не людей пишущих: для тех бесспорно Гоголь – великий образец, способный очень многое им раскрыть в тайнах словесного искусства и мастерства.

Есть писатели, о которых говоришь себе, что без них нельзя было бы жить. Кажется, что жизнь была бы беднее, темнее, «пустее», если не было бы «Войны и Мира», «Онегина», «Карамазовых», стихов Тютчева или Лермонтова. Несомненно, у Гоголя было страстное стремление стать именно таким художником. Один раз ему даже удалось написать повесть, в которой любви к людям было больше, чем насмешки: каким-то чудом возникли под его пером чудесные «Старосветские Помещики». Но и это было скорее догадкой великого мастера, что возможен и такой замысел, чем естественное, продиктованное сердцем его осуществление. На русском литературном небосклоне Гоголь остается огромной, холодной, призрачно мерцающей звездой. Искусство его поразительно, но того, что дорого у других наших великих писателей – чего-то похожего на протянутую руку, на ответственность за все, что с людьми может случиться, у него нет.

Не будем повторять тех прописных псевдо-истин, к которым имели склонность составители былых учебников: основатель русского реализма, проповедник гуманности, апостол любви, и так далее. Колдун – Гоголь сумел создать такие иллюзии, но прошло больше ста лет с его смерти, и пора бы им рассеяться.

Георгий Адамович